

КУДА УЛЕТАЮТ ЖУРАВЛИ...

(Окончание.
Начало на 3-й стр.)

Александрович. — На космодроме испытываются не только ракеты — растет и мужает сам человек, обретая высочайший профессионализм. Скажу вам: испытательная работа далеко не каждому по плечу. В ней высочайшая интуиция должна сочетаться с высочайшим умением проигрывать мысленно сложнейшие ситуации и молниеносно их анализировать. Они не просто ищут, они ищут, чтобы найти...

На первых шагах своей жизни ракеты падают, взрываются. Случается это порой много чаще, чем «допустимо». Не разобраться в причине — не пойдешь дальше. Потери — огромные. Не только в деньгах: «в поту и жизнях». Горечь, обида, усталость — все смешивается в этот момент. Не секунды — месяцы напряжения.

По телевизору или в газетах космические корабли стартуют точно по расписанию, а у провожающих — беззаботные улыбки. Стыковки, посадки, выход в открытый

космос, многомесячные рейсы к далеким планетам — все вроде бы само собой. Все как в сказке. В жизни иначе.

Тюлин «пускал» Быковско-го и Терешкову, экипажи Комарова, Феоктистова и Егорова, Леонова и Беляева, «Луну-9», «Луну-16», «Луну-20», «Марс», «Венеру», проводил испытания носителя «Протон», «отвечал за другие изделия». И нередко думал Тюлин, что где-нибудь в землянке под Невелем было полегче, чем здесь, на испытаниях.

Понять, вникнуть, помочь — это принцип его, «председательского» подхода к делу. И еще: «спрямить уродливые отклонения от нормальной жизни». И не случайно на одной из подаренных ему фотографий такая надпись: «Председателю самой трудной комиссии». И подпись: «Королев».

Как спастись от стрессов, «обрывающих сердце»? Возвращаясь из командировок, куда он убывал порой прямо

из рабочего кабинета, только раз обмолвился жене, что устает во время испытаний, нервничает, ночами не может уснуть.

— Инсульт — естественная производная, — говорит Тюлин, используя математические термины, и уходит от этой темы, не произносит с бодрым и ложным пафосом: «Повезло, обошлось!» или «Рано или поздно все там будем». Он внимательно смотрит: зачем, мол, этот разговор? — потом спокойной и с доверием говорит:

— Приговор серьезный, но обжалованию не подлежал. «В строй вернуться во что бы то ни стало», — решил еще в больнице. И вернулся...

В Московском государственном университете он нашел применение своим врожденным и обретенным качествам. Там помнили его лекции по теоретической механике, помнили и то, что читал их Тюлин с таким мастерством, что слушать его приходили с других факультетов. А теперь — новые заботы: аспиранты, дипломники, спецсеминар, лаборатория, отдел прикладных ис-

следований, интеграция науки с производством... Это его сегодняшние дела. Из-за них наша встреча многократно откладывалась. Я понимал ситуацию, а он всегда чувствовал неловкость.

БЕСЕДОВАТЬ с ним легко и трудно. Он может по-детски часами вспоминать об отце и матери, а затем сразу переходить на волнующие сегодня весь мир темы, потом возвращаться в войну, к пускам ракет Р-1, Р-2, Р-5, старту Гагарина... Откровенность и непринужденность, свобода движений и выразительность лица делают его рассказ каким-то особым. И я ловлю себя на мысли, что все время думаю об этой особенности. В чем она? Он очень тепло и уважительно говорит о тех, с кем сводила его судьба. Маршалы М. И. Неделин, Н. Н. Воронов, Н. Д. Яковлев, генералы А. И. Нестеренко и М. Г. Григорьев, академики С. П. Королев, М. В. Келдыш, конструкторы, министры, директора заводов,

начальники цехов... Всех в этой шеренге творцов могущества Родины перечислить трудно.

— А знаете, что роднит этих людей, столь не похожих друг на друга? — задает вопрос и сам же отвечает на него: — Их никогда не мучило тщеславие. Они были лишены этой весьма неприятной черты, которая заставляет человека, как говорится, из кожи лезть во имя сиюминутного успеха...

Да, все на земле держится честным трудом. Начинается с него и им заканчивается. И годы здесь не властны. Георгий Александрович Тюлин накрепко усвоил эту истину. И поняв это, я, кажется, ответил на вопрос: что же самое главное в этом человеке? Надежность. И, пожалуй, еще — настойчивость. Какие бы ветры ни дули, им этого человека с его оси не свернуть.

— Я получил математическое образование, — как бы оправдываясь, говорит Георгий Александрович, — привыл к словесным оценкам. Ныне за год человечество узнает больше, чем в древние времена — за тысячелетие. Это факт. Не означает ли это, что и забываем мы с такой же быстротой? Не абсолютно забываем. В мертвой памяти книг, отчетов, компьютеров формально сохраняется все. Но вот опытом прошлого мы забываем пользоваться. А ведь он приложим к сегодняшним нашим потребностям... И не на-

до все прошлое чернить. Честных людей всегда больше...

Слушая рассуждения Тюлина о времени и о себе, я утверждался в мысли: в прошлом, к которому так ревнивы ветераны, есть чему позавидовать.

Отсвет войны лежит на его рассказе о годах далеких и близких. Война властно владеет его чувствами и мыслями, ибо отняла очень многое, унесла жизни близких по крови и духу.

Прощаясь, я задержал взгляд на портрете. Генерал в парадном мундире, рядом с боевыми наградами — ордена Ленина, Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени, Золотая Звезда Героя Социалистического Труда, медаль лауреата Ленинской премии. Невольно вспомнились поэтические строки о том, что «из одного металла льют медаль за бой, медаль за труд». И подумал: формула — судьба может повернуться по-разному, как говорится, кому как на роду написано, — не для Тюлина. Он выбрал свою судьбу сам. Верен ей. И вновь продолжится бой.

Полковник
М. РЕБРОВ.